

Алена Яворская

«Судьба морской газеты «Моряк»...»*

По страницам газеты «Моряк» 1921 года

В № 75 за 21 апреля в рубрике «Искусство и культура» помещен очерк «Поэт порта. К годовщине смерти Кармена». Подпись «В.-Одник».

Поэт порта (к годовщине смерти Кармена)

Прибой волн морских, лязг лебедок, пыхтенье пароходных труб, суета и беготня пристанской прислуги, крики на капитанской рубке, переключка матросов, шнырянье грузчиков, скрип лопат, загребающих уголь, свист сирен – вот стихия большинства рассказов писателя Кармена.

Еще юношей он ушел в порт. И там, то работая в портовых мастерских, на верфях и в таможнях, то плавая на океанских судах, на рыбацких шхунах, на баржах и лодках, черпал вдохновение для своих рассказов и повестей.

«На дне Одессы». Это первая книжка, выпущенная Карменом, где он так ярко живописал портовые нравы, выдержала бесконечное множество изданий и была встречена в литературных кругах как редкое литературное откровение.

Дорошевич, работавший тогда в одесских газетах, посвятил молодому автору целый ряд фельетонов.

Гремевший в это время писатель Амфитеатров восторженно отзывался о книге Кармена, а Н.К. Михайловский утверждал

---

* Продолжение. Начало в кн. 73.

в «Русском богатстве», что в лице Кармена русская литература приобретает чуть ли не второго Горького.

Увы, печально сложившаяся для юного писателя жизнь не дала ему полностью оправдать возлагавшихся на него надежд.

Бродяга по натуре, он кочевал из города в город, часто пешком, с котомкой за плечами, то присоединяясь на Волге к бурлацким артелям, то отправляясь в качестве кочегара в дальневосточное плавание, посещая манившие его берега Босфора, Греции, Палестины и Египта, то плавая по финским озерам.

Все эти странствия и путешествия описаны Карменом в целом ряде красочных и трепетных очерков, повестях и фельетонах, украшавших страницы толстых журналов и газет.

В поисках волновавших его истин и тем вечный странник Кармен очутился со связкой своих произведений в Петербурге. Холодный каменный город задавил цветущие побеги молодого дарования.

А тут еще высылка из столицы, гонения по финским городам и местечкам, где он вынужден был скрываться за свою принадлежность к еврейскому народу, и, наконец, последний удар, смерть ребенка, окончательно подкосили писателя, и из морского по внешности волка он превратился в сгорбленного издерганного обывателя.

Кармена опять тянет в Одессу, чтоб подчерпнуть [так!] там силы и бодрые стимулы для продолжения остановившейся литературной работы.

С приходом большевиков Кармен выступает здесь с целым рядом рассказов из жизни портового пролетариата.

Но мучительная болезнь – чахотка, все крепче и крепче сжимала в своих смертоносных объятьях поэта, пока не задушила...

Это было ровно год тому назад. Кармен окончил свои дни в одной из одесских санаторий.

Да будет память молодого писателя благословенна в сердцах грядущих пролетарских поколений.

Примечательно почти дословное в некоторых местах совпадение с опубликованным в 1923 году в московском журнале «Огонек» очерком «Поэт низов. К годовщине смерти Л.О. Кармена», подписанным «Я. О.».

«Бродяга по натуре, он кочевал из города в город, часто пешком, с котомкой за плечами, то присоединяясь на Волге к бурлацким артелям, то отправляясь в качестве кочегара в дальневосточное плавание, посещая манышские его берега Босфора, Греции, Палестины и Египта, то плавая по финским озерам», – «Моряк», 1921.

«Перекасти-поле, он странствовал, зачастую с котомкой за плечами, зарисовывая сочным пером то волжских бурлаков, с которыми вместе странствовал, то матросов и корабельную шпану, в среду которых он записался в качестве кочегара с целью совершить дальнеокеанское плавание, то знойные восточные типы Босфора, Палестины, Египта, куда его забросила его бродяжническая судьба, то холодных финнов, среди которых он бродил», – «Огонек», 1923.

Паустовский вдохновенно описывает «Библию моряка», рукописную книгу, которую боцман Миронов достал на английском пароходе: «Она была написана на австралийско-английском морском жаргоне и являлась, по нашему общему мнению, фольклором, не имеющим равного в мире».

Красивая история, но, вообще-то, портрет автора книги Тома Баркера, делегата международной конференции моряков, и сообщение о выходе его книги «Моряк» публиковал. Как и главы из книги, вовсе не такие романтические, как вспоминалось Паустовскому.

Первомайский номер, на красной бумаге, напоминал первые одесские газеты начала XIX века – часть материалов была на французском языке. В этом номере, 79 по счету, радовали сердце и глаз любителей литературы стихи Валентина Катаева «На яхте» и «На свет маяка», отрывок из поэмы Георгия Шенгели «Броненосец «Потемкин».

В газете стихи Тристана Корбьера, по словам Паустовского, найденные мадам Мозер. «Мозер, высокая и сухая, как англичанка, несколько чопорная и вполне светская дама, что в те годы

производило на нас музейное впечатление». Предваряет стихи небольшое страстно-романтическое предисловие о трудной судьбе рано умершего поэта-матроса.

И что с того, что мадам Мозер – в действительности Георгий Шенгели? Что Корбьер (подлинное его имя Эдуар Жоашен) был человеком небедным, матросом и вовсе не был, а на яхте отца «Невольничье судно» выходил в море не для заработка, а для удовольствия, что умер в 30 лет – по тем временам не такая уж и молодость? Все, прочитавшие книгу Паустовского, запомнили именно того Корбьера, матроса-поэта.

И стихи, напечатанные в далеком и голодном 1921 году на обороте табачных бандеролей, бледные строки, почти неразличимые на красных полосах, трогают душу и сегодня:

«Тристан Корбьер – французский поэт, моряк, которому ранняя смерть помешала показать во всем блеске его дерзкий и вместе с тем бесконечно печальный, до сих пор еще неразгаданный талант. Сын французского капитана дальнего плавания, он провел всю свою недолгую жизнь среди молчаливых рыбаков и матросов, вечно на море, в своем клеенчатом морском плаще и тяжелых деревянных «сабо». Потому и стихи его так же отрывисты, немногосложны и суровы, как язык бретонских моряков.

В 1873 году он издал в Париже свою единственную книгу стихов, а два года спустя умер на берегу океана от тяжелой грудной болезни.

«В истории французской литературы, – писал о нем Реми де Гурмон, – он был непризнанным талантом, странным и драгоценным исключением, исключительный даже в целой галерее исключительных».

Стихи его, по словам Жюлья Лафарга, полны дерзости, сухой крепости, каламбуров, живости, нервной отрывистости слога и глубоко жалящей и иронической тоски. Выросший у океана, впитавший широкий гул его приливов, влажность его северо-западных ветров, туманы осенних пепельных штилей, слушая неторопливые рассказы дряхлых стариков о гибели парусных шхун, среди заросших мхом камней, сумрачных часовен Бретани и мотонного рева маячных сирен, он привык смотреть на море, как

на живое, суровое и бесконечное существо, с которым до конца своих дней неразрывно связана душа моряка.

Мы печатаем в русском переводе его стихотворение».

Кончина

Все братья-моряки – матросы, капитаны,
Должны погибнуть там, в свинцовой пелене.
Под смех и зовы жен они ушли в туманы
На тяжелой, медленной, колышущей волне.
Теперь они мертвы. Мне это ясно так же,
Как то, что я видал уход их черных шхун.
Ведь ремесло их – смерть. Гудит маяк на пляже,
И с мыса черного кричит всю ночь реву.
Я вижу их в плащах, смеющихся и страшных.
С стаканом абсента они пошли ко дну.
Ну ладно! Все равно! У шхун под крик протяжный
Морского следа нет, – ныряют под волну.
Эх, полно! Там в заре качает их над зыбью,
Иль словно в вещей сев засеяло на дне.
И рифы мокрые блестят, как будто рыбью
Рассыпал чешую прибой на их спине.
Вы, сударь, знаете, как эту фразу пишут?
«Их залило волной»? Удар седой воды,
Рангоут хлещет зыбь, и ничего не слышат
Те чайки серые, что видят их сады.
«Их залило волной!» Вы, сельские ребята,
Ведь ваша смерть всегда достаточно смешна.
Но там величье есть! На палубе фрегата
Велик и пенный вал, и синь, и тишина.
Вся горечь ваших снов завянет безнадежно
Перед улыбкою погибших моряков.
Свистать всех по местам! Эй, шкипер, слишком поздно:
Смерть кажет белый лик во мгле ночных ветров.
Матросы, шкипер, кок с неслыханной божбой
С ножом у пояса ушли. Моряк достойный,

Хлебнув морской воды, не давится слюной.
Из чаши горестной, соленой и великой
Они испили все – предсмертный свой абсент.
Их не покроет снег своей одеждой дикой
И жены – мишурой своих истлевших лент.
Ласкают их тела пассаты, и не знают
Они слепой возни кладбищенских червей.
Прибои всех морей их кровью питают
Пески прибрежные и кили кораблей.
Венчает ветер их последней панихидой,
И к девственной земле усталой чередой
Тела их гонит зыбь близ золотой Флориды,
В песках сверкающей под тусклой бирюзой.

В том же номере напоминает о прекрасном прошлом Одессы очерк Александра Дерibasа «Старый порт», в котором есть удивительно современные замечания:

«Современные одесситы слишком заняты своими городскими делами среди своих бездушных улиц и домов. Да к тому же, до последних годов доступу населения к морскому берегу мешали дачники. А было время, когда одесситы не понимали, как можно жить без моря, как можно жить, не дыша морским воздухом. Берега были свободные – купайся, уди рыбу, мечтай, плыви – кто хочет. В особенности было оживленно в порту. Туда стекались не только люди, занятые портовыми работами, но и все население города. <...>

Море, море! Как оно расширяет нашу грудь! Как оно разверзает нашу душу! Нельзя быть у моря, дышать им, любоваться, но не почувствовать почти непреодолимого стремления слиться с ним. Так и хочется броситься в него! Но не для того, чтобы утонуть в нем, чтобы погибнуть. Нет, – для того, чтобы отдать себя чему-то более широкому, более просторному, нежели наши маленькие земные интересы, чтобы выйти в нем за свои пределы... И прежде всего, чтобы омыть себя».

В № 87 за 21 мая стихотворение Валентина Катаева «Слепые рыбы», которое упоминает Паустовский во «Времени больших ожиданий»: «Катаев хрипло и недовольно прочел свои стихи о слепых рыбах. Дело в том, что рыбаки с Санжейки и Большого

Фонтана иногда вылавливали в море слепых дунайских рыб. Рыбы слепли, попав из пресной воды в соленую».

Всю неделю румянцем багряным
Пламенели холодные зори,
И дышало студеным туманом
Непривычно-стеклянное море.
Каждый день по знакомой дороге
Мы бежали к воде, замирая,
И ломила разутые ноги
До коленей вода ледяная.
По песчаной морщинистой мели
Мы ходили, качаясь от зыби,
И в прозрачную воду смотрели,
Где блуждали незрячие рыбы.
Из далекой реки, из Дуная,
Шторм загнал их в соленое море,
И ослепли они и, блуждая,
Погибали в незримом просторе.
Били их рыбаки острогою,
Их мальчишки хватали руками,
И на глянцевах складках прибоя
Рыбья кровь распускалась цветами.

Раздел «Искусство и культура» часто информирует о судьбе покинувших родину одесских артистов и об их успехах: «Известная в Одессе артистка Иза Кремер выступает теперь в мюзик-холле в Принталии, в Константинополе» (№ 83, 12 мая); «Русские артисты за границей. Мария Кузнецова получила приглашение на гастроли в театр «Perl» в Нью-Йорке. До этого играла главным образом в Париже в Гранд Опера. Мозжухин играет в фильмах Павийон Руж и пользуется большим успехом» (№ 132, 23 сентября).

Впрочем, сообщали не только об одесситах – большая заметка об успешных гастролях «Летучей мыши» Балиева во Франции и Англии (№ 141, 5 октября).

Трогательный лирический очерк о Воронцовском маяке в № 97 за 14 июня принадлежит перу безымянного автора:

На маяке

Сумерки в порту.

Тусклым золотом играет волна, поднятая катером. В туманы, в тяжелые дымы раскаленных степей ложится громадное солнце.

Нагретые за день набережные остро пахнут смолой, рассолом и рыбой – тем непередаваемым и волнующим запахом моря, запахом гавани, который идет и от дубовых бортов шхун, и от выцветшей воды и ветра одежды матросов и рыбаков.

Лениво, нехотя покачивается «Саджак». Смуглые и гортанные турки что-то жарят в тесном камбузе. Кричат мартыны, ускользя вдаль, к уже тускнеющим медным отблескам дофиновского берега.

На волноломе – узкой каменной тропе, ведущей среди моря к маяку, – заржавленные причалы, изорванные волной, красные от соли и времени тросы, громадные выбоины, выбитые зимними штормами.

Еще несколько жестоких штормов – и размытые выбоины углубятся, рассядутся, старинный волнолом перестанет защищать порт от бурь, порвется связь с маяком, и самый маяк – старый белый знакомый всей России Воронцовский маяк, может быть подмыт волнами.

На маяке тишина. Жаром веет от нагретой чугунной башни.

Внизу в темной, сырой и унылой комнате – деревянные нары без матрацев для дежурных фонарщиков. Под самым потолком в гранитной толстой стене пробиты маленькие иллюминаторы. Едва сочится тусклый свет. О стену бьет прибой.

В углу какие-то черные развалины какого-то средневекового, примитивного и закопченного очага, который уже давно не горит. Оказывается – это плита.

Нет дров. Сторожа отбывают свою вахту без кипятка. Обед им приносят с берега жены. Какой обед – неизвестно, ибо получает маячный сторож что-то около 2000 рублей в месяц.

«Паек у нас обычный, как у всех, – говорит фонарщик. – Тут уж жаловаться не приходится».

Единственное и очень скромное желание – это одежда и, главным образом, обувь. От ходьбы по волнолому, вечно заливаемому

водой, по соленым лужам, обувь съедается, перегорает в течение нескольких дней.

Работы на маяке пока еще очень мало. Следят главным образом за его сохранностью, поддерживают, чистят. Хотя за последние дни были уже случаи, когда маяк зажигали.

Но несмотря на отсутствие работы, все же выпадают дни, когда сторожам приходится очень туго. Прошлой зимой в течение восьми дней длился шторм. Вода ходила через волнолом, водопадами сливаясь с внутренней стены. Сторож, застигнутый на маяке, просидел без пищи и света в сырой и холодной комнате, в массивные двери которой все время хлестал прибой, – все восемь суток. Лишь на шестой день к маяку подошел портовый катер. С катера как-то изловчились и сбросили на площадку перед дверью хлеб и кое-какую провизию.

Чугунная винтовая лестница ведет к фонарю. Площадка вокруг фонаря залита багровыми отблесками от круглых и сложных линз. Пахнет гарным машинным маслом. Бесшумно заводится часовой механизм, и медленно, методично и спокойно начинает вращаться фонарь.

Фонарщик жалуется на то, что многие части механизма уже сработались от времени и требуют ремонта. Ремонт, правда, несложный.

На воздушном и сквозном балкончике около фонаря торчит широкое горло сирены. Она уже давно молчит. Но механизм в порядке, и в любой момент ее можно будет пустить в ход. Около сирены – позеленевший от времени старинный колокол, извещающий суда, идущие в тумане, о близости порта.

На балкончике – свежий ветер с моря, кричат и садятся чайки. Медленно огибает покрытый плесенью массив маяка, и, дымя, вползает в порт черный на закате «Эльборус».

Когда спускаемся вниз – на чугунных, покрытых белой краской стенах, заметны бурые потеки ржавчины.

Снова подземелье для сторожей – дыра без света и воздуха и выход сквозь залитую закатным солнцем узкую дверь к морю, на цементную площадку.

Снова тишина и легкий шорох воды у волнолома, и на красных обрывах глинистых берегов – бездымная в прозрачном вечернем воздухе Одесса.

Немногочисленная (если верить одному из выступавших) публика озаботилась приобрести билеты на вечер стихов, прочитав 18 июня в № 99 объявление:

«В субботу 18-го июня в 9 ч. вечера в Центральном зале депеш «Югукроста» (ул. Ленина, 10) состоится вечер стихов.

Участвуют: Э. Багрицкий (стихи из неизданной книги «Харчевня») и М. Тарловский (стихи и поэмы). После чтения стихов обмен мнений.

Билеты при входе 18-го июня от 2-5 часов дня и с 7 час. вечера».

Об этом вечере Тарловский вспоминал: «Одно время я этим клубом (залом депеш. – А. Я.) заведовал. Находился он на углу Ришельевской и Греческой улиц, в бывшем банковском помещении. В огромных его витринах выставлялись плакаты. Были библиотека-читальня и кино <...>. Устраивались литературные вечера, лекции и т. п. «Используя наше служебное положение», мы даже как-то устроили с Багрицким под председательством Льва Славина свой литературный вечер. Но мы хоть честно читали перед немногочисленной публикой».

Знаменитый сотый номер «Моряка»! Он вышел 23 июня на двадцати страницах и был «золотым» – таким напечатали часть тиража специально для конференции водников, где чествовали сотрудников газеты. Впрочем, судя по фельетону Боцмана Якова «Как нас приласкали», чествование особо рьяным не было.

Но номер был поистине золотым! Ведь здесь опубликован рассказ И. Бабеля «Король», рассказ В. Катаева «Сэр Генри и черт», стихи Г. Шенгели «Побег» и два стихотворения Э. Багрицкого.

Как известно, одним из талантов Эдуарда Багрицкого была способность легко и быстро сочинять стихи как на любую тему, так и по случаю всевозможных дат и торжеств. Сам он такие творения не особо ценил и в свои книги не включал. В № 100 два стихотворения Багрицкого.

Одно, как говорят в таких случаях, «датское» – об истории газеты на первой странице, и подписано инициалами Э. Б.

Еще трехцветный флаг кипел
И тяжек был ярем упорный,
А ты сквозь холод ночи черной
Бескрылым голубем летал.
И сумрачные моряки –
Матросы с темными глазами,
Сильней сжимали кулаки,
Следя за вольными словами.
В океаническом просторе,
Где гулких волн разбег широк,
Простой и пламенный листок,
Ты радость зажигал во взоре.
И в кубрике при свете чадном
Среди склоняющихся голов –
Ты крепким был и беспощадным,
Свободою и медью слов.
В Константинополе суровом,
Изгнанник северной земли,
Ты призывал кипящим словом
К рабочей воле корабли.
В египетских просторах строгих
Средь обветшалых пирамид
Стоял ты, словно легкий щит,
Пред станом нищих и убогих.
И вот окончен грозный труд,
Свободнее бушует море.
И вольности российской зори
Над темной пропастью цветут.
И в гаванях родной земли,
Увенчаны рабочим благом,
Вошли и стали корабли,
Украшенные красным флагом.

А вот под стихотворением «Путнику», действительно достойным, подпись – Эдуард Багрицкий:

Студент Сорбонны ты или бродячий плут,
Взгляни: моя сума наполнена едою.
Накинь свой рваный плащ, и мы пойдем с тобою
В чудесную страну, что Фландрией зовут.
В дороге мы найдем в любой корчме приют,
Под ливнем вымокнем и высохнем от зноя,
Пока из-за холмов в глаза нам не сверкнут
Каналы Фландрии студеную волною.
Довольно ты склонял над пыльной книгой грудь,
Взгляни: через поля свободный льется путь!
Смени ж грамматику на посох пилигрима,
Всю мудрость позабуди и веселись, как дрозд,
И наша жизнь пройдет струей мгновенной дыма
Среди мычанья стад и в тихом блеске звезд.

Ограничились инициалами еще два сотрудника газеты – Константин Паустовский и Исаак Лившиц.

«...однажды вечером ко мне вошел худой и несколько вертлявый юноша и назвался выпускающим будущей газеты «Моряк» Исааком Лившицем», – писал Паустовский о первой встрече.

Лившиц в разделе «Стихи о море» публикует перевод стихотворения Жана Ришпена и собственное стихотворение.

Копчушка

Из книги «Море» Жана Ришпена

Стыда в твоей худобе нету.
Пусть, старина, зовут они
Тебя копчушкой, – кличку эту
Как клад храни.
И пусть их над тобой смеются,
Бульварных песен голоса,
Ведь безобразнее найдутся
Тебя. Куда!

В лице их гордость не простая,
Их тело гнилью съедено –
Белей, чем шкурка горносталя, –
Насквозь видно.
И ежедневно моют тело
Водой пахучею, любя,
И ценным мылом то и дело
Лощат себя.
Их кожа сходна с кожей псиной,
Под ней жир мягкий кабана,
Твою – сравнил бы я с козлиной,
Брезент – она.
И только немощность их коже
Дает свой цвет. Она больна;
На розу в молоке похожа
Как раз она.
Твоя, будь грязной или чистой,
Здоровый сев в себе таит;
И солнце жжет ее искристо,
Вода солит.
Привык ты к широченным брюкам,
Они с тобою и во сне,
Бежит под ними с бодрым стуком
Кровь, как в огне.
Дружище, все, что осмугленно,
Что дышит солнцем и волной,
И воздух рейда, ветер соленый,
Вода и зной.
Соединяется все тесно
Под окисью годов, и вот
Я вижу, как металл чудесный
Блестит, живет.
Твое лицо – годов наследье,
И шея – жилистый упор,
Как бюст из золота и меди
Слепит мой взор.

И. Л.

И стихи самого Лившица:

* * *

Смеялось море тысячами губ,
Целуя сталь усталых кораблей.
Ответный гул был радостен и груб,
И серый дым рабочих черных труб
Смешало море с запахом солей,
И катера, живая прядь стеблей,
Тянули баржи, грузные, как труп.
И с солнцем слившись в радостную трель,
Смеялось море.
Текут года, один другого злей,
Замкнулся город осажденный в круг.
Порт опустел, как брошенный улей,
И на руках не стало мозолей...
Но ждет маяк, чтоб снова на ветру
Смеялось море.

И. Л. (Исаак Лившиц)

Стихотворение Паустовского «Вы помните, у серого Камилла...» напоминает о недавно заходившем в Одессу пароходе «Камилло Гильберт». Его приходу была посвящена большая статья в № 94:

«В пятницу вечером, 3 июня, в Одесский порт прибыл пароход «Камилло Гильберт» под норвежским флагом, доставивший закупленный в Америке советским правительством паровичный уголь в количестве 7471 тонны.

«Камилло Гильберт» представляет собой прекрасно оборудованный грузовой пароход новейшей конструкции», – далее следовало подробнейшее описание судна, оборудования и даже кают.

* * *

Вы помните, – у серого «Камилла»
Ныряли чайки, словно хлопья снега,

Как чешуя, вода в порту рябила,
И по ночам слепительная Вега
Сверкала вся, как древняя корона,
Как божий знак покинутых морей.
Железный лязг скрежещущих лебедек,
И хриплый крик, и темные закаты
На пелене прозрачной и зеленой,
Где облака – как крылья лебедей.
И тихий ход портовых ветхих лодок
У черных и бездымных кораблей,
Заржавленных, как латы.
А на рассвете, тусклом, как опалы,
Мы слышали густой и медный рев
Сирен тягучих. Бледные кораллы
Мигали в ночь. И этот гулкий зов
Напомнил мне о гаванях шумливых,
О зное стен и запахе вина,
О бронзовых и закаленных лицах
Чужих и странных моряков.
И горечь дум, и блеск зарниц в заливе,
Сквозных медуз в волне голубизна,
И запах соли, солнца и корицы
Измучили, как мучает весна
Беспомощных рабов.

К. П. (Константин Паустовский)

Автор стихотворения позже даст яркий портрет еще одного поэта газеты «Моряк»: «Шенгели был высок, глаза его юношески сверкали. Он ходил по Одессе в тропическом пробковом шлеме и босиком. При этих внешних качествах Шенгели обладал эрудицией, писал изысканные стихи, переводил французских поэтов и был человеком, расположенным к людям и воспитанным».

Георгий Шенгели

Побег

Полночь. Ветер. Лодка покачнулась,
Задержалась на валу прибоя;
Виноградною волной плеснуло
Прямо в парус, в полотно литое.

Узкий луч по волнам простирая,
Там на взморье сторожит нас катер;
Ветер плещет в дуло митральезы.
Луч мы видим, слышим пенье ветра.

Проскользнули! Прямо руль! По ветру!
Ах, как звонок бег наш полнокрылый!
Ах, как пахнет сеном и свободой
Берег тот, куда наш путь направлен!

В море кинут островок песчаный.
Здесь ночуем, здесь мы солнце встретим.
И, спугнувши уток, мы выходим
На песок, уступчивый и теплый.

Спать... Не спим. Сидим и курим трубки,
И молчим, глядя на берег черный,
Где ревут паровики, и в небе
Винной розой взвешен дым пожара.

В этом же номере «Стихи о Москве» Эмиля Германа и очерк Не-знакомца (знакомого всей Одессе Бориса Флита) «Портовая старина (из архивов порта)».

Для тех, кто интересовался западной литературой, – большая статья о Ромен Роллане и перечень его новых произведений: «Кола Брюньон», «Клерамбо», «Лилюли».

Примечательно, что именно учившийся в двадцатые годы в Одессе Евгений Кибрик именно с одесситки Евгении Хин рисует в тридцатые годы Ласочку из «Кола Брюньона». Ромен Роллан считал портрет Кибрика лучшим изображением Ласочки и писал об иллюстрациях к повести: «Я приветствую Кибрика, мастера жизни и юмора, который умеет быть в свои счастливые часы также и мастером красоты. Я благодарю его от имени моей Бургундии». О Евгении Хин можно прочесть в 72 номере альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Увы, именно после сотого номера исчезают со страниц газеты стихи и рассказы известных литераторов (кроме Боцмана Якова). В дальнейшем значительное место будет занимать информация о театре, русских и зарубежных изданиях и литературных вечерах.

Окончание следует

